

Вдоль великого Амура | Along the Great Amur

Auteur: Жорж Нива (Перевод Н. Сикорской), [Женева](#) , 09.05.2012.

Рыбачьи будки на реке Зея (© Georges Nivat)

Предлагаем вашему вниманию третью часть путевых заметок профессора Женевского университета Жоржа Нива, сделанных во время его недавнего путешествия по российскому Дальнему востоку.

|

The third part of the travel notes taken by professor Georges Nivat during his voyage to the Far East.

Along the Great Amur

Триумфальная арка, воздвигнутая в честь проезда Цесаревича через Благовещенск в августе 1891 года была, разумеется, уничтожена при советской власти, но теперь возведена заново, точно как прежняя, в стиле неовизантийского рококо. Оно дополняет все советские памятники, которые в избытке в этом провинциальном городе с широкими проспектами. Амур замерз, постовые будки пограничников установлены прямо на льду, через каждые сто метров. Они напоминают на рыбацкие будки на реке Зее, но рыбная ловля на Амуре запрещена. Город был построен на стечении рек Амур и Зея. А напротив, соединенный с Благовещенском автобусным маршрутом, проходящим прямо по льду, вырос словно гриб лет десять назад китайский город Хэйхэ. Бывшая деревня насчитывает теперь 120 000 жителей. Местное население крупно выиграло от потепления отношений с китайцами. Китай это их тыловая база. Но китайцев на улицах не много. Они приезжают работать целыми группами, живут в бараках на окраинах, за несколько недель строят то, на что у русских рабочих ушли бы месяцы, и уезжают. Вот так работает Россия, от одного края до другого. Принимавший меня коллега Александр Урманов только что переехал в недавно построенное здание. Третий этаж был построен русскими рабочими, а потом призвали китайцев, доведших строительство до конца.

Власти благоустраивают побережье, чтобы выглядеть более презентабельно перед китайцами. Набережные, фонари, все переименовывается ради взгляда с другого берега... Странное здание из неравномерно срубленных панелей только что построено, прозвано Бастилией, в нем дают эстрадные концерты. Родившийся в середине 19 века город сначала был казачьим фортом. Потом приехали искатели золота, потом казака, наконец, переселенные крестьяне (на добровольной основе, с долгой предварительной процедурой записи и подготовки), благодаря реформе министра Николай Второго Петра Аркадьевича Столыпина, в 1910-х годах. Они приезжали семьями, деревнями или целыми казачьими станицами, сначала на кораблях, из Одессы, затем поездами и повозками – по мере того, как продвигалось строительство Транссиба. Первый поезд пришел в декабре 1913 года! Накануне свержения старого режима. Китайцы захватили эту территорию в 17 веке, после подписания Нерчинского договора. Пришлось дожидаться прихода к власти Николая Первого, чтобы россияне вернулись на левый берег Амура и вынудили ослабленный Китай подписать новое соглашение. Это было заслугой крупного государственного деятеля Муравьева, выходца из известной семьи, знавшей как знаменитых повстанцев, так и преданных слуг. Этот ее представитель получил имя Муравьев-Амурский. Но проникновение китайцев продолжалось в конце 19 и начале 20 веков. После восстания «боксеров», повстанцы захватили речной транспорт и город Благовещенск. Советская власть была установлена здесь не сразу: белые, особенно казаки, сопротивлялись красным вплоть до 1922 года.

Здесь, как и во Владивостоке, режимы чередовались, и Дальневосточная республика чеканила свои деньги, создавала армию, арсеналы, имела своих министров. Именно сюда хочет бывший соблазнитель Лары в романе Пастернака «Доктор Живаго» хочет привезти свою бывшую возлюбленную с ее дочерью, чтобы обеспечить им безопасность. На задворках страны и сегодня еще ищут золото, недра земли богаты. Нувориши возрождают старые купеческие традиции. Но им еще далеко до купца Чуркина, одного из тех, кто «сделали» богатство города. Его снова помнят и славят, в его особняке размещается богатый Этнографический музей... Меня отвезли в Ивановку, на реке Зея, место летнего отдыха, где фантазии нуворишей соперничают с китчем на верхнем берегу реки. Климат здесь по-настоящему континентальный, с перепадами от -40 зимой до плюс 40 летом, в июне все очень быстро поспевает:

овощи, дыни, арбузы.

Мы находимся здесь на оконечности Даурии, страны каторжников, куда при царе Алексее Михайловиче был сослан основатель движения староверов протопоп Аввакум. Его «Жизнь», один из основополагающих текстов русского модернизма, написанная прямым и образным языком, рассказывает перипетии всей семьи, смерть его детей в младенчестве, отчаяние протопопши, воскликнувшей «О, батюшка, ты меня раздавил!» Надо сказать, что жизнь семейства протопопы была не сладкой. «Высокие горы, непроходимые чащи, каменные скалы, отвесные как стена, глядя на них, свернешь шею», жалуется протопоп, никогда не видевший гор.

Староверы населяли всю Сибирь и весь Дальний Восток; их преследовали, да и сами они были всегда готовы отходить все дальше, чтобы укрыться от преследователей. Только они обустроивались, как их сгоняли с места и обосновывали православные поселения, жители которых были гораздо ленивее староверов (Лев Поляков сравнивал их с протестантами на Западе). Во всех этнографических музеях региона обязательно есть посвященный им раздел. Императорский указ 1860 года, узаконивший их постоянную миграцию к востоку империи, сыграл большую роль для этих огромных пространств, вечно ожидающих новых поселенцев... Согласно одной легенде, царство Справедливости находилось на Востоке, в Беловодье. Другая рассказывала о королевстве Опонии (Японии), и набожные мужики уходили в поисках утопии с женами и детьми, всегда трезвые, все – отличные плотники и строители. Их поселения сохранились до сих пор, руководимые старцами с длинными бородами; но их долгий путь из центральной России к морской окраине сегодня завершен, и их общины распадаются. Отсутствие попов (самых разных послушаний) ослабляет сегодня их противостояние всем разновидностям протестантов, которые завоевывают умы и численно превышают практикующих православных, третье же место занимает саентология. Сибирь всегда была излюбленным местом сект... Как и везде, отдельный зал посвящен Великой Отечественной войне, хотя она и не коснулась региона. В музее можно увидеть телеграмму Сталина с благодарностью городу, добровольно пославшему 5 958 000 рублей на строительство самолетов и танков...

В Благовещенске скоро будет свой международный аэропорт, так как власть решила строить космодром, чтобы не зависеть больше от Байконура, находящегося в Казахстане. Он будет расположен в 180 км от города, около Свободного, кажется, на месте бывшего лагеря «Свободный-18». Преимущество в том, что можно будет запускать ракеты и возвращать их в регионе, который крайне мало заселен. Аэропорт, как и новая ветка Транссибирской железной дороги, приезд 30 тысяч рабочих (большой частью наверняка иностранцев) обещают дать городу второе дыхание. Между космодромом и мчащимся галопом Китаем, город, название которого происходит от Благовещенья (и ни разу не менялось советской властью) может и вправду стать Беловодьем.

Хабаровск обязан своим именем землепроходцу 17 века, пришедшему сюда с другого края земли русской. Однако реальным его основателем стал адмирал Невельский, отнявший Приморье у китайцев и заслуживший право на памятники в обоих городах бывшей Морской провинции, поделенной сегодня надвое. Снова очень холодно (во Владивостоке потеплее, но очень сыро.) А ночью поднимается буря: снег летит по горизонтали, адский шум, все самолеты пригвождены к земле. Не знаю почему, но местный университет гораздо беднее прочих. В каком-то смысле

более советский. Но в Хабаровске есть все атрибуты регионального российского центра: большой Этнографический музей, большой Музей Искусств, два собора (один, правда, миниатюрная копия первого), два огромных бульвара, соответствующих двум старинным притокам Амура, высокая набережная над рекой. Напротив – цепь замерзших островов, ни здания. Этот город существует лишь на одном берегу. К северу по дороге связь между пригородами осуществляется лишь маленькими самолетами. Туда отправляются порыбачить летом, но не рискуют зимой. Сюда тоже приезжают работать китайцы, но их жилища гастарбайтеров скрыты. Здесь больше следов советской эпохи, чем в других местах: в Музее искусств мне не разрешили фотографировать, там не было каталогов, заместитель директора отказалась со мной разговаривать, прислав мне панно размером 50x70 см, на котором большими буквами было написано «фотосъемка запрещена». На этом наш диалог был исчерпан.

Не то в Хабаровском краевом музее, который был основан высокопоставленным чиновником старого режима, страстным исследователем и собирателем этнографических редкостей Николаем Гродековым. Он датируется 1896 годом, то есть старше Этнографического музея Санкт-Петербурга. Хабаровск был тогда центром региона, включавшего в себя Амурье, Сахалин, огромный регион Охотска и все Приморье. Он граничил с Китаем, Кореей, Японией и Аляской, ставшей американской. Его директор, Н. И. Рубен, приветлив, сотрудники компетентны, посетители многочисленны. Коллекции музея значительны – более 400 тысяч предметов (половина сокровищ). Недавняя история представлена с юмором: маленькие ящички в закрытом виде показывают официальную версию, а в открытом – то, что режим пытался скрыть. Особенно ГУЛАГ, которому также посвящен отдельный зал, прекрасно документированный по всем типам лагерей и заключенных. Здесь можно увидеть воспроизведенную сторожевую вышку лагеря Нижне-Амурское.

Круглый панорамический зал представляет инсценировку Волочаевской битвы 1922 года, когда силы просоветской Дальневосточной республики взяли верх над Белыми. Это шедевр советского музейного искусства – созданный в 1970-х годах, очень приблизительной достоверности, это пример жалкого патриотизма. Сопровождавший меня молодой историк очень веселился по этому поводу.

Городской рынок – это целый самостоятельный поселок, прилавки под навесами, защищающими от снега и ветра (на дворе -16). Торговцы китайские и почти не осталось корейцев, столько многочисленных во времена «Бронепоезда № 14-16» писателя Всеволода Иванова, воспевавшего Волочаевскую битву. Здесь, как и везде на Дальнем Востоке, большинство продуктов питания завозится из Китая. Даже рыба, наловленная российскими судами, обрабатывается в Китае или Японии и возвращается сюда в замороженном виде или в консервах. Генеральное консульство Китая в Сибири и на Дальнем Востоке находится здесь, в Хабаровске. Оно вмешалось в прошлом году в столкновение между полицейскими Иркутска и сотней китайских рабочих, отказывавшихся от контрольной проверки. Местная пресса начинает говорить о «косоварской» угрозе, опасаясь избытка китайского населения. Наиболее способные из них начинают небольшие предприятия, покупают дома, в каждом городе селятся скученно. Но у России нет стратегии в отношении этой проблемы, важнейшей для ее выживания и демографии. Ей нужна эта рабочая сила, эти предприниматели. Китай покупает у нее нефть, а она импортирует промышленные товары, услуги, продукты питания. В конечном счете, все в очередной раз зависит от русских женщин: будут ли их браки с китайцами счастливыми? Удачными? И в каком

смысле?

В Хабаровском театре драмы и комедии дают пьесу, поставленную по шедевр известному абхазского писателя Фазиля Искандера. Идеей этой постановки театр обязан новому режиссеру, приехавшему из Москвы, театральному критику и актеру Владимиру Оренову, который получил в этом году «Золотую маску», высшую театральную награду России, правда, за другой спектакль. Спектакль «Широколобый» основан на знаменитой книге Искандера «Сандро из Чегема», совершенно неизвестной на Западе. «Сандро» - это эпическая и бурлескная хроника жизни абхазской деревни в эпоху Сталина. Эта притча столь же лирично рассказывает о жизни буйвола, как Толстой о жизни лошади в «Холстомере». «Широколобый» - это комедия, в которой танцуют и поют, она полна свежести, актеры прекрасно играют; она стоит путешествия в Хабаровск, несмотря на десять часов разницы во времени. Три актера играют Буйвола: Буйвола с большим сердцем, образец врожденного мужества; Буйвола, который боится «страны, где плачут лошади» (бойня); и романтического Буйвола, влюбленного в молодую телочку. Очарование этой поэтики, близкой горному фольклору Кавказа, полнейшее!

Можно ли назвать эту удивительную пьесу следом большой советской литературы, полу-диссидентской (в советские времена «Сандро из Чегема» был опубликован, сокращенный на две трети), эпохи, когда страна простиралась, в политическом, но и в культурном смысле, от Грузии до Приморья?.. Или она служит доказательством того, что искусство и литература еще могут соединить два конца империи, сокращенной на треть? «В этой прекрасной жизни было одно страшное и непонятное: все, все, кого он любил, рано или поздно куда-то исчезали ». Хорошо становилось в ледяном Хабаровске от гимна доброте животных, воспетой Искандером.

[литература](#)

Статьи по теме

[От Санкт-Петербурга до Владивостока, или от одного до другого "окна" евразийской империи](#)

[Что осталось от "боярской шапки"?](#)

Source URL: <http://www.nashagazeta.ch/news/politique/vdol-velikogo-amura>